

УДК 94(470.6) «1920»

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.9>

А. П. Скорик

РАСКАЗАЧИВАНИЕ: КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНЫЙ И ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Слово «расказачивание» последние десятилетия вошло в свободный и привычный разговор об отдельных казаках и о казачестве в целом, что, казалось бы, не имеет смысла разъяснять его смысловое содержание, ибо оно и так понятно из самого своего произношения. Подразумевается, что речь идёт об уничтожении очень большого количества казаков. При естественно возникающем вопросе, кто же совершил такое ужасное деяние, тут же без раздумий следует ответ: «Казаков убивала советская власть!». Думать здесь получается нечего, ведь большевики уничтожили почти всё казачество. Мелькают в публицистике ужасающие цифры: от 2 до 10 млн человек. Далее следуют суждения в том духе, что не стоит ничего анализировать, поскольку совершённому преступлению никогда не будет никакого оправдания. Да и вообще была одна большая эпоха советского расказачивания. Однако это будет лишь частью исторической правды!

В статье предпринимается попытка детально разобраться и отделить зёрна от плевел. Во-первых, определить исторические смысловые пределы понятия «расказачивание». Во-вторых, привести реальные исторические факты о трагических для казаков событиях. В-третьих, выяснить временные исторические границы осуществления политики расказачивания. В-четвёртых, отграничить подлинную историю казачества от политической конъюнктуры «радетелей за казачество». В-пятых, дать авторский ответ на классические русские вопросы: кто виноват, и что делать?!

Ключевые слова: большевики, геноцид, дискуссии, исторический процесс, казаки, репрессии, станица.

Для цитирования: Скорик А. П. Расказачивание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 437–447. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9

Aleksandr P. Skorik

DECOSSACKIZATION: CATEGORIAL-CONCEPTUAL AND PERSONALIZED HISTORICAL DISCOURSE

The word “decossackization” in recent decades has entered into a free and familiar conversation about individual Cossacks and about the Cossacks as a whole, which, it would seem, does not make sense to explain its semantic content, because it is already clear from its very spelling. It is understood that we are talking about the destruction of a very large number of Cossacks. When the question naturally arises, who committed such a terrible act, the answer immediately follows without hesitation: «The Cossacks were killed by the Soviet authorities!». There is nothing to think about here, because the Bolsheviks destroyed almost all the Cossacks. Terrifying figures flicker in the press: from 2 to 10 million people. Further judgments follow in the spirit that it is not worth analyzing anything, since there will never be any justification for the committed crime. And in general, there was one big era of Soviet decossackization. However, this will be only part of the historical truth!

The article attempts to understand in detail and separate the wheat from the chaff. First, to determine the historical semantic limits of the concept of «decossackization». Secondly, to bring real historical facts about tragic events for the Cossacks. Thirdly, to find out the temporal historical boundaries of the implementation of the decossackization policy. Fourthly, to delimit the true history of the Cossacks from the political situation of the «guardians for the Cossacks». Fifth, to give the author's answer to the classic Russian questions: who is to blame, and what to do?!

Key words: Bolsheviks, genocide, discussions, historical process, Cossacks, repressions, village.

For citation: Skorik A. P. Decossackization: categorial-conceptual and personalized historical discourse // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 437–447. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9

Прежде всего, расказачивание – это достаточно сложный и многослойный исторический процесс, а уничтожение части казаков – это лишь видимая верхушка айсберга. И здесь правомерно будет прибегнуть к идее «тотальных социальных фактов», которую высказал французский этнограф и социолог Марсель Мосс (хотя концептуально так её и не оформил в какой-либо из своих работ). И тогда понятие «расказачивание» следует считать онтологическим образованием,

обеспечивающим должную глубину научного познания определённого исторического периода. Но расказачивание – это одновременно реальное историческое явление, буквально пронизывающее все стороны советской социальной системы, фокусирующее и сосредоточивающее одну из её генерализующих сторон, репрессальную сущность именно в себе. Такова социальная тотальность расказачивания. А теперь обо всём по порядку.

Расказачивание означает, если исходить из самой сути исторического представления о казачестве, лишение казаков наиболее существенных черт как социальной группы. К числу генерализующих признаков понятия относятся две характеристики казачества: сословный статус и этническое самосознание. Что же из них можно было ликвидировать очень быстро и радикальным образом?! Прежде всего, сословные права и привилегии. Они предоставлялись казачеству нормами действующего законодательства Российской империи. Эту очевидную реальность большевики громят в первую очередь. 24 ноября 1917 г. принимается декрет СНК РСФСР и ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Хотя непосредственно в тексте Декрета казаки не упоминались, но для казаков сословный статус являлся той правовой средой, без которой сложно представить казачество как таковое. Сословный статус составлял то историческое пространство, без которого характерный образ казачества теряет свой подлинный смысл, его социальная психология становится не понятна.

Если сегодня мы считаем этническое самосознание важнейшей характеристикой казачества, то большевики, придя к власти в октябре 1917 г., думали совершенно иначе. Для них всё казачество представляло собой неотъемлемую часть российского крестьянства, хотя и с некоторыми региональными особенностями, но не столь существенными, чтобы обращать на такие мелочи особое внимание. Эта теоретическая ошибка лидеров компартии лежала в основе проводимой политики большевиков, ибо, с их точки зрения, достаточно надавить на крестьянскую массу, пообещать ей желаемые блага и получится заставить её подчиниться. А ещё надо обязательно применить древнеримское правило (максимум римского сената) «разделяй и властвуй», тогда всё сбудется. Однако расколоть казачество на известную большевистскую триаду (бедняков, середняков и кулаков) не очень-то у практиков большевизма выходило, и здесь мешало этническое самосознание, заставлявшее казаков консолидироваться. Посулы на казаков долговременно не действовали. Попытки давления вызывали ожесточённое сопротивление. В практике советского расказачивания широко применялось поражение в правах, но и оно не приносило ощутимого результата. «Лишенцы», «кулаки», «репатрианты», иные социальные категории казачества стойко переносили сваливавшиеся на их голову многочисленные несчастья.

Характерной чертой расказачивания являлись многочисленные акции представителей советской власти по дискредитации в глазах казаков православной веры, уничтожению церковного имущества, преследованию православных священников, и это отдельная тема для исследова-

ний, которые, в частности, успешно ведёт старший научный сотрудник ЮНЦ РАН А. В. Шадрин [26], причём, здесь мы вместе находим пересекающиеся сюжеты с другими направлениями научных изысканий, скажем, с проблемой голода в казачьих областях [28]. И всё же, приведём пример станицы Каменской, где в ходе расказачивания в 1919 г. пять станичных церквей оказались полностью разграблены и исковерканы новыми «властителями дум», а в домах многих станичных жителей православные иконы варварски срывались со стен и безжалостно выбрасывались на улицу.

В атеистическом угаре большевистские безбожники устраивали в станице Каменской целые театрализованные представления: одевались в вывернутые наизнанку похищенные облачения священнослужителей, брали в руки церковное кадило, наполняли его крепким табаком, зажигали и кощунственно изображали на глупую потеху своих товарищей псевдоправославное богослужение. Для торжественного празднования советской даты 1 мая беспардонно оборвали бахрому и кисти у церковных хоругвей и тут же украсили ими свои красные флаги. Атеистическими псевдоподвигами красноармейцев руководил некто Романовский. Именно он публично сорвал во внутренней церкви реального училища завесу с царских врат, изодрал покров престола в алтаре, швырнул на пол Евангелие и антиминс. Примечательно, что на другой день после этого откровенного акта атеистического вандализма Романовский неожиданно заболел сыпным тифом и через шесть дней скорострительно умер. Эта мгновенная смерть произвела на местное население станицы Каменской неизгладимое впечатление, ибо в ней оно увидело признак Божьей кары за содеянное [21, с. 80].

Ещё раз подчеркнём, казачество как историческое явление нельзя понять вне контекста религиозного вероисповедания. С верой в Бога казак жил, творил, воевал, большая часть истории казачества освящена Божьим знаменем, и, хотя, безусловно, православие являлось основной религией казаков, но также иноверческие группы казачества по-своему молились и оставались в лоне своей церкви. Причём, такое богослужение не обходилось без исторических казусов. Когда император Александр III со своей супругой посетили походный хурул (малый буддистский храм) казаков-калмыков, прибывший в столичный Новочеркасск их встречать в мае 1887 г., то гелюнг (калмыцкий священник) передал в руки императрицы Марии Фёдоровны для осмотра один из священных обрядовых предметов. Поскольку государыня не знала, как с ним поступить, то она всю начавшуюся службу продержала его в руках, а гелюнг, естественно, не решился взять его у неё [9, с. 608]. Так вот православная российская императрица приняла участие в буддистском бо-

гослужении. Заметим, достаточно сильны были в казачьей среде, особенно донского казачества, старообрядческие традиции, скажем, тот же известный атаман М. И. Платов являлся старообрядцем поповского толка, что не мешало ему посещать храмы Русской православной церкви.

Гораздо сложнее оказалось сломать хозяйственно-культурный уклад казачества, даже в архитязёлых условиях, когда хозяйство местного казачье-крестьянского населения, как гласят документы того времени, не единожды «зглтывалось набегавшей волной Гражданской войны». Казачий хозяйственно-культурный уклад частично сохранился и после осуществления коллективизации и перекочевал в личные подсобные хозяйства казаков, где проявился во внутреннем устройстве казачьего подворья, в трогательном отношении к лошадям, в сбережении виноградной лозы, в разведении голубей, в пользовании ледником и многим другом, без чего и сегодня не обходится ни один двор в казачьем хуторе или станице, и что греет душу родового казака: отцовский, а то и дедовский верстачок, старый плащ и к нему башлычок, подкова на счастье, укрепленная на видном месте, и прочие хозяйственные и личные мелочи.

Расказачивание – это не только применение репрессивных мер, о которых твердят многочисленные публицисты, да и часть казаков, кругозор которых только этим и ограничивается. Расказачивание, не менее значимое по последствиям, проявлялось в многократных попытках государства провести окрестянивание казачества, в том числе, путём показачивания населения казённых поселений, проще говоря, превращения государственных крестьян в казаки. Этим, в частности, характеризуется в XIX в. процесс заселения исторического региона Кубани. Например, по Высочайшему указу от 2 декабря 1832 г. [15] ряд крестьянских селений преобразуются в станицы, и к Кубанскому казачьему полку причисляются: Дмитриевское (ныне это станица Дмитриевская в Кавказском районе Краснодарского края), Новоалександровское (вначале станица; ныне город Новоалександровск в Ставропольском крае), Новотроицкое (ныне станица Новотроицкая в Изобильненском районе (городском округе) Ставропольского края), Расшеватское (ныне станица Расшеватская в Новоалександровском районе (городском округе) Ставропольского края), Успенское (ныне станица Успенская в Белоглинском районе Краснодарского края, расположенная на реке Калалы; но есть ещё село Успенское, находящееся на реке Кубани). К числу поселений Старой кордонной линии на Кубани также прикрепляются образовавшиеся из крестьянских селений станицы: Архангельская (ныне станица в Тихорецком районе Краснодарского края), Ильинская (ныне станица в Новопокровском районе Красно-

дарского края), Каменнобродская (ныне станица в Изобильненском районе (городском округе) Ставропольского края), Новодонецкая (ныне станица в Выселковском районе Краснодарского края), Новомалороссийская (ныне станица в Выселковском районе Краснодарского края), Новомарьевская (ныне станица в составе Шпаковского района (муниципального округа) Ставропольского края), Рождественская (ныне станица в Изобильненском районе (городском округе) Ставропольского края), Сенгилеевская (вначале станица; ныне село в Шпаковском районе (муниципальном округе) Ставропольского края) и Старомарьевская (вначале станица; ныне село в Грачёвском районе (муниципальном округе) Ставропольского края). Как видим, далеко не все крестьянские селения сохранили статус казачьей станицы.

Тенденции показачивания отчётливо наблюдаются и в ходе кампании «за советское казачество». Так, во второй половине мая 1936 г. конный отряд северо-донских казаков прибыл в Новочеркасск, причём, среди них были и вчерашние «иногородние», а некоторые новоприборные казаки происходили даже из числа немецких колонистов. В частности, «в полной казачьей форме прибыли [в Новочеркасск] Петер Богер и Фридрих Копф, колхозники немецких артелей «Сталинфельд» (Волошинский район) и «Ленинфельд» (Мальчевский район)» [19, с. 324–325].

В процессе расказачивания, пожалуй, самыми крепкими бастионами для противников казачества оказались славная история казачества и его социальная память. Именно этот кладезь народного духа, несмотря на многочисленные и продолжающиеся поныне попытки перекроить казачью историю, стереть в социальной памяти неразрывную связь с историческим прошлым, сузить историческое поле казачьей культуры, принизить истинные роль и значение казачества в истории России, позволяет реально отстоять фундаментальный вклад казачества и определить его достойное место на общероссийских скрижалях. Как красноречиво записал великий русский писатель Л. Н. Толстой при введливом чтении XIII тома «Истории России» С. М. Соловьева: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европ[ейцы] казаками. Народ казаками желает быть» [24, с. 123].

И наконец, расказачивание подразумевает массовые репрессии в отношении казачества, хотя зачастую в обиходе всё, как раз и сводится исключительно к репрессиям. Действительно, известные современные российские политики публично, неоднократно и категорично заявляли о широкомасштабных репрессиях: в советские времена казачество подверглось «геноциду» (президент В. В. Путин, февраль 2012 г.) и даже «было практически ликвидировано» (президент Д. А. Медведев, октябрь 2009 г.). После таких

констатаций хочется разобраться в вопросе, а откуда тогда берутся современные казаки?! Ответ тех же авторов: «Мне очень приятно, что происходит возрождение казачества, возрождение уникальной и самобытной культуры казаков, повышается их роль в жизни государства российского и, что, может быть, самое главное – растёт чувство патриотизма, которое всегда было присуще казачеству» (президент В. В. Путин, май 2007 г.); «Исторически казаки находились на службе у Российского государства, защищали его границы, участвовали в боевых походах Русской Армии. После революции 1917 г. казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду. Однако казачество выжило, сохранив свою культуру и традиции. И задача государства – всячески помогать казакам, привлекать их к несению военной службы и военно-патриотическому воспитанию молодёжи» (премьер-министр В. В. Путин, февраль 2012 г.); «Сегодня благодаря инициативной, деятельной позиции общественных организаций, волонтеров и неравнодушных граждан, поддержке органов власти и Русской православной церкви казачество не только возрождается, но и становится более значимой конструктивной и созидательной силой» (президент В. В. Путин, ноябрь 2018 г.); «Казаки всегда играли важную роль в становлении нашей государственности: служили государству верой и правдой, открывали Сибирь, Дальний Восток, закладывали новые города, развивали экономику нашей большой страны. В наши дни традиции казачества возрождаются. Думаю, что нет смысла говорить о том, что государство заинтересовано в реализации потенциала казачества в нашей стране, в решении тех совместных задач, которые традиционно решались государством вместе с казачеством: естественно, в укреплении нашей страны в целом, в воспитании молодёжи, укреплении военно-патриотических традиций. Всё это важно в любой ситуации, но, наверное, особое значение это имеет в период, когда страна подвергается тем или иным испытаниям. И такие испытания, к сожалению, как были, так и продолжаются...» (президент Д. А. Медведев, март 2009 г.). Иначе говоря, казаки никуда не делись: они выжили, преодолели тяжелейшие испытания в своей исторической судьбе, и сегодня в них очень нуждается российское государство.

Тем самым, факт признания массовых репрессий в отношении казачества очевиден. Эти репрессии проводила советская власть, но они оказались не настолько катастрофичны, поэтому казачество сохранилось, о его исторических заслугах помнят, в его активной созидательной роли по-прежнему имеется заинтересованность. Кто же персонально виноват в репрессивном рассказывании на заре советской власти?! Насколько широк круг этих лиц?! Ведь, обычно ищут одного-двух главных виновников.

Одни однозначно винят «американского эмиссара», Председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, поскольку под его руководством большевики провели «кровавое рассказывание». При этом очень часто цитируется следующий его изуверский призыв: «Очистительное пламя должно пройти по всему Дону и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции... Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Чёрное море» [27, с. 236].

Другие указывают на причастность Я. М. Свердлова к появлению циркулярного письма (директивы) Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. «Об отношении к казакам» [25], ставшего отправной точкой политики рассказывания. Председатель ВЦИК (формальный глава РСФСР), председатель Секретариата ЦК РКП(б), член Оргбюро ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов не подписывал (нет таких письменных свидетельств!), но имел отношение к этому документу, равно как и ряд других высших лиц из числа большевистского руководства, среди которых нередко называют также члена Реввоенсовета Республики, наркома по делам национальностей РСФСР, члена Оргбюро ЦК РКП(б) И. В. Сталина.

Среди организаторов политики рассказывания, проводившейся большевиками, фигурируют (перечислим по алфавиту с указанием занимаемых должностей): уполномоченный Совета труда и обороны (СТО) РСФСР по подавлению мятежа на Дону (с апреля 1919 г.), заместитель начальника Политуправления Реввоенсовета Республики, член Оргбюро ЦК РКП(б) А. Г. Белобородов; уполномоченный по снабжению Южного, Юго-Восточного фронта (продовольственный комиссар) Я. Г. Гольдин; командующий 9-й армией Южного фронта П. Е. Княгиницкий; командующий 8-й Кавказской армией труда («Кавтрудармией») И. В. Косиор (не надо путать его с родным братом С. В. Косиором, сделавшим более успешную советскую карьеру), руководивший выселением терских казаков из Горской АССР; член (секретарь) Донского бюро РКП(б), заместитель председателя Донисполкома С. Л. Лукашин (Саркис Лусенгович Срапионян); ответственный работник ВЧК И. П. Малкин, участвовавший в подавлении Вёшенского восстания и проявивший при этом невиданную жестокость, что описано М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон»; представитель большевистской партии на Северном Кавказе, председатель Комитета обороны Терской Советской Республики Г. К. (Серго) Орджоникидзе, организатор двойного выселения (1918 и 1920 гг.) терских казаков Сунженской линии, с его известной фразой: «Если поднимется против Советской власти хотя бы один казак в одной станице, вся станица будет в ответе: вплоть до расстрела, до уничтожения»;

член Донского областного ревкома, управделами РВС Южного фронта В. И. Плятт; член Донского областного ревкома, член Донисполкома (с 1 сентября 1919 г.), помощник начальника политотдела Южного фронта И. И. Рейнгольд, чьему перу принадлежит докладная записка в ЦК РКП(б) о необходимости физического уничтожения всех казаков; член (секретарь) Донского бюро РКП(б) Григорий (Гири-Есель-Нахек) Иосифович Свердлин (Пётр Григорьевич Блохин); ближайший сотрудник Л. Д. Троцкого, заместитель председателя РВС Республики, член ВЦИК и СТО РСФСР Э. М. Склянский; ответственный работник ВЧК И. И. Скрамз; член РВС ряда фронтов, начальник Политуправления РВС Республики (с 31 мая 1919 г.) И. Т. Смилга, участвовавший в подавлении Вёшенского восстания, судивший штаб конно-сводного корпуса во главе с Б. М. Думенко; ведущий член Донского бюро ЦК РКП(б), начальник отдела гражданского управления при Реввоенсовете Южного фронта (в январе–апреле 1919 г.) С. И. Сырцов; секретарь Донского бюро ЦК РКП(б) в течение сентября 1918 г. – октября 1919 г. А. А. Френкель, удивительным образом сумевший бежать из известной подтёлковской экспедиции в момент её полного окружения белыми казаками; командующий 8-й армией Южного фронта (в марте–мае 1919 г.), глава Экспедиционной группы (в мае–июне 1919 г.) по подавлению казачьего восстания на Верхнем Дону Т. С. Хвесин; начальник политотдела и член РВС Южного фронта И. И. Ходоровский; председатель Ревтрибунала Южного фронта С. В. Чикколини (Шикколини), который, как отмечается в материалах ревтрибунала против него самого, «довёл идею Красного террора до абсурда»; комиссар и член Реввоенсовета (РВС) 8-й армии Южного фронта И. Э. Якир, кому собственно принадлежит авторство приснопамятной директивы о так называемом «процентном уничтожении мужского населения» на Дону.

И это отнюдь далеко не полный перечень ответственных лиц среди большевистского партийного, государственного и военного руководства, которым в вину можно поставить разработку и осуществление политики расказачивания в начальный период советской истории. Поэтому было бы не верно говорить о ком-то одном, двух или трёх деятелях, чьи преступные в отношении казачества акции стали источником трагической страницы в истории российских казаков.

Итак, расказачивание – это, прежде всего, комплекс мероприятий государственной власти, направленных на размывание и использование социальных качеств казачества в государственных целях; на искоренение казачьего сословия в структуре общества; на физическое устранение казаков. Одновременно расказачивание также выступает естественноисторическим процессом

утраты казачеством его изначальных свойств. Расказачивание является исторической научной категорией, позволяющей характеризовать и описывать исторический процесс на определённом этапе существования казачества в историческом пространстве России.

При общей оценке политики расказачивания сегодня нередко можно встретить термин «геноцид», явно привнесённый в науку и публицистику в политически конъюнктурных соображениях, имплементированный целевым образом в историю казачества уже в наши дни. Это было объяснимо в определённом контексте в 1990-е гг., когда требовалось привлечь внимание к действительно острой и затуманенной ранее социально-исторической проблеме. Тогда полемический публицистический запал имел безусловное оправдание. Сегодня некоторые исследователи это делают явно в угоду политической конъюнктуре и личному пиару, например, Н. Н. Лысенко в книге «Геноцид казаков в Советской России и СССР. 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования». Профессиональная оценка этого издания дана в развёрнутой научной рецензии профессора А. В. Венкова [2].

Ведь есть историческое понятие «расказачивание», соответствующее историческому времени и принятое самими казаками. Термин «геноцид» только разогревает политические страсти, тем более что «концепция геноцида» трещит по швам, когда ставятся хронологические рамки 1918–1933 гг., ибо большую часть 1920-х гг. и к расказачиванию отнести нельзя, а проводившаяся реальная политика «лицом к казачеству» (с 1925 г.) свидетельствует как раз об обратном. Отсутствие массовых репрессий на Дону во второй половине 1920-х гг. нами уже доказывалось на поселенческих статистических материалах бывшего Черкасского округа [20]. Означает ли это полное отсутствие массовых репрессий в начальный период советской истории?! Нет, и ещё раз нет! Разберёмся в остром вопросе с холодной головой и горячим сердцем.

Действительно, расказачивание осуществлялось как репрессивная политика одновременно в четырёх направлениях. Во-первых, речь шла о ликвидации казачьего сословия. Заметим, об упразднении казачьего сословия первые заговорили либералы после Февральской революции 1917 г., предлагавшие аннулировать права и отменить обязанности казаков. О ликвидации сословных уз говорили тогда же сами казаки, но только в плане отказа от тяготивших немалую часть казачества обязанностей военной службы на фоне затянувшейся Первой мировой войны, хотя подобные настроения среди казачества фиксировались и в более ранний период (историческая тенденция саморасказачивания). Во-вторых, это была социально-классовая политика

большевиков, направленная на поиск прозелитов в казачьей среде, поэтому правящая партия изначально обращала свои взоры на трудовое (беднейшее) казачество, стремясь расколоть казачье внутрисословное единство, навязать казачеству триаду жёсткой социальной дифференциации на бедняков, середняков и кулаков (историческая тенденция социальной дискретности). Но сами большевики пришли к этому не сразу, а только к концу 1920-х гг. Они реально допускали существование более реалистичной и вполне официальной шестислойной, деятельностно-структурной классификации социального расслоения крестьянства и казачества в 1920-х гг.: батраки, бедняки, маломощные середняки (или сокращённо: м-средняки), середняки, зажиточные (середняки), кулаки. Соответственно, жёсткое административно-политическое давление, включая собственно репрессии, направлялось, прежде всего, против кулаков. В-третьих, рассказывание связано с отказом большевиков признавать базисную этническую характеристику казачества (историческая тенденция этнотрансформации). Не случайно I-й Всероссийский съезд трудовых казаков в феврале 1920 г. констатировал, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа, поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи» [8, с. 244–245]. Несомненно, социальное расслоение уже достаточно глубоко проникло в казачью среду, но всё же идея казачьего этнического единства была гораздо сильнее, она по-прежнему оставалась цементирующим началом для казачьей общности. Кроме того, политика рассказывания после резкого начала в январе 1919 г. по борьбе со всем казачеством корректируется и направляется против «казачьих верхов». В-четвёртых, рассказывание, как мы писали в начале данной статьи, имело достаточно выраженный атеистический подтекст (историческая тенденция принудительного атеизма).

Политика рассказывания в причинно-следственном отношении позволяет говорить о следующих социально-политических истоках. Правящая партия большевиков стремилась к укреплению своих позиций путём преодоления в России сопротивления прежних господствовавших классов и привилегированных социальных групп, к числу которых относилось казачество, в представлениях коммунистов изначально отождествлявшееся с имперским политическим режимом. Иначе говоря, поскольку казаки служили царю верой и правдой, то они будут мешать большевикам при построении социалистического светлого будущего, ведь казаки – это «опора трона и реакции». Отсюда делался вывод

о необходимости уничтожения казачества как полуфеодального пережитка бывшей России, и более того, ликвидация казачества даже пойдёт на пользу всей мировой цивилизации. Лучшие воинские черты, верность данной присяге стали исходной причиной трагедии казачьего народа. Из людей пытались напрочь выбить казачий дух, казачье самосознание и казачьи традиции.

В рассказывании проявились накопившиеся за многие годы обиды «старых большевиков» с большим партийным стажем, пришедших к власти в 1917 г., за подавление революционных волнений 1905–1907 гг. и других восстаний. В редакционной статье «Борьба с Доном» в газете «Известия Народного комиссариата по военным делам» Л. Д. Троцкий огульно заявлял: «Казачество для России всегда играло роль палача, усмирителя и прислужника императорского дома... По своей боевой подготовке казачество не отличалось способностью к полевым боевым действиям. Казаки по своей природе ленивы и неряшливы, предрасположены к разгулу, к лени и ничегонеделанию... Казак как малоинтеллигентный человек, лгун, и доверять ему нельзя...» [10, с. 175].

Тем самым, идеологические корни массового террора против российского казачества были рождены в ходе всего предшествующего периода борьбы революционеров с царским самодержавием. Естественно, в современной российской историографии роль казачества в дореволюционные времена оценивается совершенно иначе, более того, акцентируется внимание на военно-патриотических традициях казачества [4; 11].

Казачьи регионы, прежде всего Дон, рассматривались руководством большевистской партии как базисный источник контрреволюции в России. Великая русская поэтесса М. И. Цветаева в диаметрально противоположном контексте, образно и в стихотворной форме 24 марта 1918 г. передала этот коммунистический постулат: «Старого мира – последний сон: // Молодость – Доблесть – Вандея – Дон». Здесь проводится историческая параллель между сражением «святой белогвардейской рати» на Дону с красновардейцами и Вандеей – последним оплотом королевской власти в борьбе против революционных войск в годы Великой Французской революции 1789–1794 гг. Кстати, эти проникновенные стихи М. И. Цветаевой, положенные на характерную маршевую музыку, исполняются хором белогвардейцев (sic!) в советском двухсерийном цветном телевизионном художественном фильме «Государственная граница. Восточный рубеж», поставленном на киностудии «Беларусьфильм» в 1982 г. режиссёром Борисом Степановым.

Политико-административная автономия казачьего региона, стремление к самостоятельной республике делали казаков неугодными советской власти, но согласие на казачью автономию

являлось достаточно важным и крайне болезненным вопросом для казачества. Действительно, 28 февраля 1918 г. в направленной правительственной телеграмме императивного характера главнокомандующему войсками Южного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонову-Овсеенко председатель СНК В. И. Ленин подчёркивал: «Против автономии Донской области ничего не имеем; географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и с автономной Республикой Донецкого бассейна» [12, с. 365–366].

III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший 10–18 (23–31) января 1918 г. в Таврическом дворце Петрограда, провозгласил Россию федеративной республикой с полным названием «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» (сокращённо: РСФСР). С IV съезда высший орган советской власти назывался съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и **казачьих** депутатов (выделено нами. – авт.). 31 мая 1918 г. СНК издал декрет № 503 «Об организации управления казачьими областями», где в первом пункте, поправленном лично В.И. Лениным, однозначно фиксировалось «Все казачьи области и войска рассматриваются, как отдельные административные единицы местных советских объединений (т.е. как губернии)» [6, с. 375]. В период с марта по апрель 1918 г. реально существовали Донская, Терская, Кубано-Черноморская республики. 3 мая 1919 г. была образована комиссия ВЦИК по отмене декрета «Об управлении казачьих областей». Окончательной точкой в вопросе о казачьей автономии можно считать декрет СНК № 117 от 25 марта 1920 г. «О строительстве Советской власти в казачьих областях», который предметно ставил задачу: «Учредить в казачьих областях общие органы Советской власти, предусмотренные Конституцией РСФСР и положением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о сельских советах... и волостных исполнительных комитетах» [23, с. 175]. Здесь же следовало симптоматичное примечание № 1: «Отдельных Советов Казачьих Депутатов не должно быть создаваемо». Вскоре на бывшие казачьи области специальным постановлением ВЦИК распространили все общие советские законоположения о землеустройстве, землепользовании, лесах. Вот так осуществление политики расказачивания привело к полной ликвидации политико-административной автономии казачьих регионов.

При проведении политики расказачивания выделяют два основных репрессивных цикла (рубежа и начала 1920-х гг.; рубежа и начала 1930-х гг.). Первый вал прямых репрессий обрушился на донских казаков в годы Гражданской войны 1918–

1920 гг., причём, существовали две социальные практики: политика «красного террора» и политика «белого террора». Спорить о том, какая именно из сторон нанесла бóльший урон в физическом уничтожении казаков можно бесконечно, хотя расказачивание в постсоветский период априори интерпретировалось как репрессивная политика большевиков. Кстати, постановление СНК от 5 сентября 1918 г. о красном терроре, авторство которого приписывают опять же лично Я. М. Свердлову, реально подписано двумя наркомками: народным комиссаром юстиции Д. И. Курским и народным комиссаром внутренних дел Г. И. Петровским (он обозначен при публикации, но, согласно подлинному архивному документу, подписал управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич), а также секретарем СНК Л. А. Фотиевой [7, с. 292]. Цель этого акта заключалась в том, чтобы «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путём изолирования их концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [7, с. 291–292]. Собственно говоря, императивные пункты циркулярного письма ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. об отношении к казачеству [25] развивали вышеизложенные положения. Однако практическая реализация мероприятий репрессивного «расказачивания», осуществлявшегося красными на Дону (остальные казачьи регионы тогда в основном занимали белые) имела всё же кратковременный характер, и была сорвана Вёшенским восстанием. По подсчётам А. В. Венкова, «в начале 1919 г. в результате массовых расстрелов в Верхне-Донском округе погибло 600 человек» [2, с. 285]. Да, это жестокая практика, но речи не идёт о многосоттысячных, миллионных жертвах, как пишут некоторые авторы [18, с. 119]. Основные человеческие потери связаны с эпидемиологической обстановкой, прежде всего, с заболеваниями сыпным тифом и гибелью людей в ходе боевых действий. К примеру, в результате Вёшенского восстания казаки убили 7 тыс. красноармейцев, и при этом сами потеряли 6 тыс. человек [2, с. 285].

Надо учитывать и второй вал репрессий, пик которого приходится на 1932 г., когда развернулась узаконенная борьба с «кулацким саботажем», и великой трагедией стала история 15 «чернодосочных» станиц, о которой написано немало, в том числе и нами [19, с. 180–184]. Хотя эта история произошла позже, но она также относится к актам расказачивания.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на узаконение практики белого террора. Приказом по Всевеликому войску Донскому № 73 от 25 мая 1918 г. учреждаются военно-полевые суды,

назначаемые распоряжением командиров полков и окружных атаманов. Процитируем третий пункт этого приказа: «Лиц, в отношении которых была установлена служба на руководящих и ответственных должностях в органах советской власти, участие в вооружённых организациях, преследующих задачи подчинения Родины большевикам – приговаривать к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел. Приговор обращается к исполнению в течение суток» [22, с. 39]. А вот согласно второму пункту приказа № 228 по Всевеликому Войску Донскому от 28 января 1919 г. разрабатывается чёткая инструкция по рассортировке и препровождению военнопленных. Названный документ обнаружен в архивных фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об) и фрагментарно опубликован заведующей отделом новейшей истории Азовского историко-археологического и палеонтологического музей-заповедника (г. Азов Ростовской области) Г. Н. Борановой.

Согласно вышеназванной инструкции белыми казаками выделялись три категории захваченных военнопленных. К первой категории относились «лица «интеллигентных профессий» и **казаки** (выделено нами. – авт.), добровольно вступившие в ряды красных; комиссары, агитаторы, матросы, командиры частей; лица, совершившие уголовные преступления и иногородцы (евреи, латыши и прочие)». Эта группа подлежала военно-полевому суду и расстрелу на месте. Во вторую категорию включались «шахтёры, рабочие, бывшие воинские чины, «забывшие присягу» (очевидно, здесь подразумевались и казаки, ранее заслужившие разные чины в годы Первой мировой войны. – авт.)». Эти лица отправлялись для отбывания наказания в концентрационный лагерь. Третья категория, обозначенная как «насиленно мобилизованные и не проявившие активной деятельности» делилась, в свою очередь, на три группы. Изъявившие желание вести энергичную борьбу с большевиками направлялись на фронт с оружием в руках воевать в составе казачьих частей. Другая группа (лица из числа третьей категории) оставлялась для несения тыловой службы в станицах, располагавшихся в прифронтовой полосе. И уже третью группу «пассивных военнопленных» задействовали для выполнения различных принудительных работ, но исключительно под надёжной охраной [1, с. 84].

Как установила Г. Н. Боранова, в Азовский концентрационный лагерь Всевеликого Войска Донского, размещённый в деревянных бараках бывшего 235-го пехотного запасного полка, отправлялись, согласно вышеназванной инструкции, заключённые второй и третьей категории. В этом концлагере, окружённом высоким деревянным забором, обнесённом по закону жанра

двумя рядами колючей проволоки и дополнительно по периметру окопанном широкой канавой, «погибло более двадцати тысяч человек» [1, с. 84].

Следует обратить внимание и на внутрисловное рассказывание времён Гражданской войны. По подсчётам профессора П. А. Голуба, только во Всевеликом Войске Донском разные казачьи институты утвердили до 1400 приговоров о принудительном исключении казаков из числа казачьего сословия за проявление сочувствия советской власти. Такие внутрисловные приговоры имели для казаков не только морально-психологическое воздействие, но и сопровождалось лишением их казачьих привилегий (исключительных прав и материальных льгот), дополнялись конфискацией хозяйственного имущества и принадлежащих земельных паевых участков, предполагали административную высылку за территориальные пределы Донской области или же её замену отправкой на принудительные и каторжные работы. В общей сложности рестрикциям подверглось 30 тыс. семей красных казаков [3].

Что же происходит после окончания Гражданской войны?! Казачество Дона, в массе своей поддерживавшее Белое движение (до 85 %), как и другие группы казаков России, потерпели военное поражение, поэтому, естественно, казачество испытывало колоссальное морально-психологическое давление от сложившихся на тот исторический момент обстоятельств (от победы «чужакого иногороднего», как говорили казаки), причём, как на самом Дону, так и в эмигрантских общинах за границей. Это выражается, с одной стороны, в повстанческом движении, особенно активном в период 1921–1922 гг. [5], и затухающем только лишь к 1925 г. С другой стороны, разворачивается противоречивая реэмиграция, и казаки, прежде всего, рядовые участники Белого движения в массовом порядке возвращаются на историческую Родину, и этот процесс постепенно угасает к концу 1920-х гг. В общей сложности в историческую Россию до конца 1920-х гг. вернулось из западных стран около 30 тыс. из примерно 55 тыс. эмигрировавших казаков, и ещё около 30 тыс. из более чем 50 тыс. эмигрировавших казаков, правда, до конца 1930-х гг. прибыло из восточных государств (преимущественно из Китая) [17, с. 231].

Рассуждения о каком-то латентном, скрытом рассказывании с привлечением казаков к социалистическому строительству в 1925–1928 гг. давно уже опровергнуты исследованиями подавляющего большинства специалистов, начиная с известных работ Я. А. Перехова [16]. Заметим, в 1928 г. на территории, которая сегодня отнесена к современной Ростовской области, органы ОГПУ не расстреляли ни одного человека [14, с. 80].

Реальностью стала политика «лицом к казачеству», сформировавшаяся в конце 1924 г. – начале 1925 г. на социальном фоне недовольства

казаков советской властью и не прекращающихся точечных и ощутимых актов антибольшевистского и антисоветского террора со стороны, хотя и небольших партизанских, повстанческих групп донских казаков. Власти требовалось замирение для хозяйственного восстановления и стабилизации политической обстановки, в том числе, и для массового возвращения репатриантов. И здесь нельзя не учитывать внешнее давление на страну, вспомним, хотя бы опасную «военную тревогу 1927 г.», когда едва не разразилась война с Англией.

К концу 1920-х гг. после достижения в Советской России относительной политической и экономической стабилизации И. В. Сталин формулирует леворадикальную концепцию «великого перелома», изложенную в практически одноименной статье «Год великого перелома. К XII годовщине Октября», опубликованной в газете «Правда» (№ 259 от 7 ноября 1929 г.). В ней нет ни одного упоминания о казачестве, если не считать общей фразы «все силы старого мира», но для казачества это означало развёртывание нового вала массовых репрессий, хотя, подчеркнём, они осуществлялись в рамках общего административно-политического наступления партии большевиков на доколхозную деревню. Начинается «подавление оппозиции среди казачества путём раскулачивания и борьбы с «вредителями», саботажниками хлебозаготовок в 1929–1936 гг.» [13, с. 283]. Хотя, если быть объективным исследователем, то до 1931 г. советская власть не прекращала попыток вовлечь казаков в органы местного управления, но это не мешало ей осуществлять репрессивные акты [19, с. 267–269].

Итак, рассказывание в историческом отношении представляет собой длительный процесс, истоки которого можно искать в переселенческой

политике Российского государства, в его борьбе с казачьей самостоятельностью (например, при подавлении восстания К. А. Булавина) и во многих других исторических сюжетах. Причём, основной формой рассказывания выступает ликвидация сословных черт, прав и привилегий, ибо в России казачество сложилось в качестве одного из ключевых неподатных сословий. Наименее мягкой и не особо отторгаемой формой рассказывания в России являлось показывание части других групп населения в разные периоды истории. Не следует забывать о постоянном процессе внутрисословного рассказывания, обострявшегося в кризисных ситуациях. Не избежала казачья общность и саморассказывания, когда добровольно часть казаков разрывала свои сословные узы и вливались в иные социальные группы. Наиболее сложной, дискуссионной формой сегодня остаётся репрессивное рассказывание, но оно не сводится исключительно к советским репрессивным практикам, и это не умаляет трагизма даты 24 января 1919 г. Поэтому мы стремились привести максимально возможный перечень конкретных имён, лично причастных к проведению репрессий. С другой стороны, подсчёт количества жертв репрессий не имеет однозначных итогов и подвержен значительному влиянию политической конъюнктуры. Однако наиболее болезненно самими казаками воспринимается этническое рассказывание, когда отрицаются их этнические корни, что подстёгивает эмоциональный публичный акционизм. Призывая к архивизированному подходу в категориально-понятийном осмыслении рассказывания, отстаивая концепт казачества как субэтнической группы русского народа, мы рассчитываем на продолжение открытой научной дискуссии по одной из наиболее коллизий исторических проблем.

Источники и литература

1. Боранова Г. Н. Лагерь смерти. Азов в годы Гражданской войны // Донской временник. Год 2009-й. Ростов-на-Дону, 2008. Вып. 18. С. 84–86.
2. Венков А. В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 275–290.
3. Голуб П. А. Правда и ложь о «рассказывании»: Беседа с обозревателем газеты «Правда» В. Кожемяко // Правда. 2009. 18–21 сентября, № 105 (29447); 25–28 сентября, № 106 (29448).
4. Гомзякова Н. Н. Традиции кубанского казачества в военно-патриотическом воспитании защитников Отечества: середина XIX – начало XX века: дис. ... канд. педагогич. наук. Воронеж, 2006. 186 с.
5. Грищенко А. Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920–1922 годах: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 229 с.
6. Декреты советской власти. Том 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. 698 с.
7. Декреты Советской власти. Том 3: 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. 676 с.
8. Казачество России: историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии 1917–1940 гг. / [Сост., вступ. ст., предисл., примеч. Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова]. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 327 с.
9. Кирсанов Е. И. Слава и трагедия Новочеркасска (История казачьей столицы). Т. I. Каменоломни: Сервис-связь, 2005. 736 с.
10. Кобзов В. С. Революция и гражданская война на Южном Урале глазами казачества // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения активных боевых действий на Урале): Материалы регион. науч. семинара 24–25 апреля 1999 г. Челябинск, 1999. С. 162–177.
11. Кузнецов В. А. Военно-патриотическое воспитание в Оренбургском казачьем войске: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск. 2000. 202 с.
12. Ленин В. И. Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919 // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 50. 623 с.

13. Матишов Г. Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма. На пути к возрождению. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 528 с.
14. На страже Отечества: документы, воспоминания, очерки, посвященные 80-летию управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области. Ростов-на-Дону: Юг, 1998. 284 с.
15. Об усилении обороны Кавказской линии посредством обращения в сословие линейных казаков жителей некоторых ближайших казенных селений // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 7. 1832. СПб.: Типография II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Ст. 5796.
16. Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1997. 178 с.
17. Ратушняк О. В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2017. 533 с.
18. Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2014. 232 с.
19. Скорик А. П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
20. Скорик А. П. Расказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 102–113.
21. Скорик А. П., Ревин И. А. Православный храм в исторической событийности донской станицы Каменской // История в подробностях. 2011. № 6 (12) (июнь). С. 76–81.
22. Сборник узаконений и распоряжений Правительства Всевеликого Войска Донского. Хронологический указатель. Текст законов Российского Временного Правительства, восстановленных Правительством Донским. Вып. 1-й, разрешённый Донским Атаманом / Сост.: В. Альбов и В. Никитин. Новочеркасск: Типография издательства «Время», 1918. 52 с.
23. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 24. 6 апреля 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М.: б.и., 1943. 818 с.
24. Толстой Л. Н. Записная книжка № 4, 1865–1872 гг. Запись от 2 апреля 1870 г. // Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 48. М.: Гослитиздат, 1952. С. 123–124.
25. Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) «Об отношении к казакам» 24 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176–178.
26. Шадрин А. В. Репрессии против православного духовенства в период коллективизации на территории современной Ростовской области // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1 (101). С. 64–71.
27. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
28. Krinko E., Skorik A., Shadrina A. The Don and Kuban Regions during Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921–1922 and 1932–1933 // Nationalities Papers (Edition of the University of Cambridge). 2020. Т. 48. № 3. С. 569–584. (На английском языке).

References

1. Boranova G. N. Lager' smerti. Azov v gody Grazhdanskoy voyny (Death camp. Azov during the Civil War) // Donskoy Vremennik. Year 2009. Rostov-on-Don, 2008. Issue. 18. P. 84–86. (In Russian).
2. Venkov A. V. Genotsid, golodomor i drugiye uzhasy v istorii «kazatskogo naroda» (Genocide, famine and other horrors in the history of the «Cossack people») // Novoye proshloye (New past). 2018. No. 1. P. 275–290. (In Russian).
3. Golub P. A. Pravda i lozh' o «raskazachivani» Beseda s obozrevatelem gazety «Pravda» V. Kozhemyako (Truth and Lies about «Decossacking»: A Conversation with a Pravda Columnist V. Kozhemyako) // Pravda. 2009. September 18–21, No. 105 (29447); September 25–28, No. 106 (29448). (In Russian).
4. Gornzyakova N. N. Traditsii kubanskogo kazachestva v voyenno-patrioticheskom vospitanii zashchitnikov Otechestva: seredina XIX – nachalo XX veka (Traditions of the Kuban Cossacks in the military-patriotic education of the defenders of the Fatherland: the middle of the 19th – the beginning of the 20th century): thesis. Voronezh, 2006. 186 p. (In Russian).
5. Grishchenko A. N. Antibolshevistskoye povstancheskoye dvizheniye v Donskoy oblasti v 1920–1922 godakh (Anti-Bolshevik insurrectionary movement in the Don region in 1920–1922): thesis. Rostov-on-Don, 2009. 229 p. (In Russian).
6. Dekrety sovetsskoy vlasti (Decrees of the Soviet power). Volume 2: March 17 – July 10, 1918. Moscow: Politizdat, 1959. 698 p. (In Russian).
7. Dekrety sovetsskoy vlasti (Decrees of the Soviet power). Volume 3: July 11 – November 9, 1918. Moscow: Politizdat, 1964. 676 p. (In Russian).
8. Kazachestvo Rossii: istoriko-pravovoy aspekt: dokumenty, fakty, kommentarii 1917–1940 gg. (Cossacks of Russia: historical and legal aspect: documents, facts, comments 1917–1940) / [Compilation, introductory article, preface, notes N. F. Bugai, A. M. Gonov]. Nalchik: El-Fa, 1999. 327 p. (In Russian).
9. Kirsanov Ye. I. Slava i tragediya Novocheerkasska (Istoriya kazach'ey stolitsy). (Glory and tragedy of Novocheerkassk (History of the Cossack capital). T. I. Kamenolomni: Service Communication, 2005. 736 p. (In Russian).
10. Kobzov V. S. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna na Yuzhnom Urale glazami kazachestva (Revolution and civil war in the Southern Urals through the eyes of the Cossacks) // Ural in the events of 1917–1921. Actual problems of study (on the 80th anniversary of the cessation of active hostilities in the Urals): Materials of the regional scientific seminar. April 24–25, 1999. Chelyabinsk, 1999. P. 162–177. (In Russian).
11. Kuznetsov V. A. Voyenno-patrioticheskoye vospitaniye v Orenburgskom kazach'yem voyske (Military-patriotic education in the Orenburg Cossack army): thesis. Chelyabinsk. 2000. 202 p. (In Russian).
12. Lenin V. I. Pis'ma. Oktyabr' 1917 – iyun' 1919 (Letters. October 1917 – June 1919) // Full composition of writings. 5th ed. M.: Politizdat, 1970. Т. 50. 623 p. (In Russian).

13. Matishov G. G. Donskiye kazaki: ot opory samoderzhaviya do zhertv bol'shevizma. Na puti k vozrozhdeniyu (Don Cossacks: from the support of the autocracy to the victims of Bolshevism. On the road to revival). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. 528 p. (In Russian).
14. Na strazhe Otechestva: dokumenty, vospominaniya, ocherki, posvyashchennyye 80-letiyu upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii po Rostovskoy oblasti (On guard of the Fatherland: documents, memoirs, essays dedicated to the 80th anniversary of the administration of the Federal Security Service of Russia in the Rostov region). Rostov-on-Don: Yug, 1998. 284 p. (In Russian).
15. Ob usilenii oborony Kavkazskoy linii posredstvom obrashcheniya v sosloviye lineynykh kazakov zhitel'ev nekotorykh blizhayshikh kazonnnykh seleniy (On strengthening the defense of the Caucasian line through the conversion of residents of some nearby state-owned villages to the class of linear Cossacks) // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. 7. 1832. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1835. Article 5796. (In Russian).
16. Perekhov YA. A. Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.) (Power and the Cossacks: the search for consent (1920–1926)). Rostov-on-Don: Rostov State University Press, 1997. 178 p. (In Russian).
17. Ratushnyak O. V. Kazach'ye zarubezh'ye kak sotsial'no-istoricheskiy fenomen: obrazovaniye, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni (1920–1960-ye gg.) (Cossack Abroad as a Socio-Historical Phenomenon: Education, Structure, Problems of Socio-Political, Socio-Economic and Cultural Life (1920–1960s): thesis. Krasnodar, 2017. 533 p. (In Russian).
18. Reshetnikov L. P. Vernut'sya v Rossiyu. Tretiy put', ili tupiki beznadozhnosti (Return to Russia. The third way, or dead ends of hopelessness). Moscow: FIV, 2014. 232 p. (In Russian).
19. Skorik A. P. Kazachestvo Yuga Rossii v 30-ye gody XX veka: istoricheskiye kollizii i opyt preobrazovaniy (Cossacks of the South of Russia in the 30s of the XX century: historical collisions and experience of transformations): thesis. Stavropol, 2009. 540 p. (In Russian).
20. Skorik A. P. Raskazachivaniye kak politika i sotsial'nyy protsess na Donu v 1920-ye gody (Decossackization as a policy and social process on the Don in the 1920s) // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships. 2019. Vol. 24, No. 4. P. 102–113. (In Russian).
21. Skorik A. P., Revin I. A. Pravoslavnyy khram v istoricheskoy sobytynosti donskey stanitsy Kamenskoy (Orthodox Church in the historical eventfulness of the Don village of Kamenskaya) // History in detail. 2011. No. 6 (12) (June). P. 76–81. (In Russian).
22. Sbornik uzakoneniya i rasporyazheniya Pravitel'stva Vsevelikogo Voyska Donskogo. Khronologicheskii ukazatel'. Tekst zakonov Rossiyskogo Vremennogo Pravitel'stva, vosstanovlennyykh Pravitel'stvom Donskim. Vyp. 1-y, razreshonnyy Donskim Atamanom (Collection of legalizations and orders of the Government of the Great Don Army. Chronological index. The text of the laws of the Russian Provisional Government, restored by the Government of the Don. Issue. 1st, permitted by the Don Ataman) / Compilers: V. Albov and V. Nikitin. Novochoerkassk: Printing house of the Vremya publishing house, 1918. 52 p. (In Russian).
23. Sobraniye uzakoneniya i rasporyazheniya rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. № 24. 6 aprelya 1920 g. (Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government. No. 24. April 6, 1920) // Collection of legalizations and government orders for 1920. Moscow: [Without a publisher], 1943. 818 p. (In Russian).
24. Tolstoy L. N. Zapisnaya knizhka № 4, 1865–1872 gg. Zapis' ot 2 aprelya 1870 g. (Notebook No. 4, 1865–1872. Record dated April 2, 1870) // Complete works in 90 volumes. Moscow: Goslitizdat, 1952. T. 48. P. 123–124. (In Russian).
25. Tsirkulyarnoye pis'mo Orgbyuro TSK RKP (b) «Ob otnoshenii k kazakam» 24 yanvarya 1919 g. (Circular Letter of the Organizing Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) «On the attitude towards the Cossacks» January 24, 1919) // News of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. 1989. No. 6. P. 176–178. (In Russian).
26. Shadrina A. V. Repressii protiv pravoslavnykh dukhovenstva v period kollektivizatsii na territorii sovremennoy Rostovskoy oblasti (Repressions against the Orthodox clergy during the period of collectivization on the territory of the modern Rostov region) // Scientific Thought of the Caucasus. 2020. No. 1 (101). P. 64–71. (In Russian).
27. Shambarov V. Ye. Belogvardeyshchina (White Guard). Moscow: EKSMO-Press, 2002. 640 p. (In Russian).
28. Krinko Ye. F., Skorik A. P., Shadrina A. V. Donskoy i Kubanskiy regiony vo vremya goloda: vlast', kazaki i tserkov' v 1921–1922 i 1932–1933 godakh (The Don and Kuban Regions during Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921–1922 and 1932–1933) // Nationalities Papers (Edition of the University of Cambridge). 2020. T. 48. № 3. C. 569–584. (In English).

Сведения об авторе

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова / s_a_p@mail.ru
 Адрес: 346428, д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, Российская Федерация.

Information about the author

Skorik Alexander – Doctor of Science (History), Doctor of Science (Philosophy), Professor of Social and Human Sciences, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions, South-Russian State Polytechnic University (Novochoerkassk Polytechnical Institute) (Novochoerkassk) / s_a_p@mail.ru
 The address: 346428, 132, Prosveshchenia st., Novochoerkassk, the Russian Federation.